

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-348-361

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПОЛЕМИЧЕСКОГО И ПРОПОВЕДНИЧЕСКОГО НАЧАЛ

Г.Г. Хазагеров

Южный федеральный университет
344005, Ростов-на-Дону, Россия, ул. Большая Садовая, д. 105

Статья посвящена проблеме влияния риторических жанров на культивирование общения. При этом различается влияние полемических и эпидейктических жанров. Первые влияют на культивирование горизонтальных общественных связей. Вторые — на развитие вертикальных. В статье дается расширенное представление об эпидейктическом роде красноречия. При этом учитываются те новые жанры, о которых не мог знать Аристотель, определивший функции эпидейктических речей как «хвалить или порицать». Речь идет о пропаганде, рекламе, гомилетике и дидактике. В то же время полемическое начало связывается не только с диалогическими, но и с монологическими текстами. Ставится вопрос о роли художественной литературы в культивировании полемики. Материалом служит главным образом история русской словесности. Делается вывод о том, что чрезмерное развитие одних родов красноречия за счет других может оказаться контрпродуктивным для культуры.

Ключевые слова: *риторика, вертикальные и горизонтальные связи, эпидейктическое красноречие, полемические жанры*

1. ТРИ РОДА КРАСНОРЕЧИЯ И КУЛЬТИВИРОВАНИЕ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ И ВЕРТИКАЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

Задолго до того, как сложились инициированные Пражским лингвистическим кружком дисциплины «культура языка», «культура речи», «Sprachpflege», задолго до того, как инициированная двором Людовика XIV активная языковая политика национальных государств озаботилась проблемами унификации и нормализации языка, что привело к представлениям о «языковом стандарте», классическая риторика ставила своей главной задачей культивирование языкового общения. Сегодня широко распространено определение риторики как науки об эффективной коммуникации, но эту эффективность следует понимать не как одноразовый эффект, а как построение хорошо налаженной, окультуренной системы общения. Древняя метафора культивирования остается в силе.

Однако вся история словесности показывает, что разные типы убеждающих речей культивируют разные стороны общения, а диспропорциональное развитие речей одного типа может оказаться контрпродуктивным для коммуникативной культуры и для культуры вообще. Речь идет о трех родах красноречия, названных еще Аристотелем, и о двух видах коммуникативных связей в обществе — горизонтальных и вертикальных. В последнем разграничении, достаточно очевидном интуитивно, мы следуем за теорией социальных сетей, где под горизонтальными

отношениями понимаются отношения между людьми приблизительно одного статуса, можно назвать их «симметричные отношения», скажем, переписка ученых, собирающихся реализовать общий проект, под вертикальными — отношения между командой лидеров, задающих коды общения, и рядовыми членами сообщества. Здесь я позволю себе отослать читателя к статье из горизонтально организованной Википедии (Социальная сеть: 2016).

Аристотель, как известно, выделял три рода красноречия: судебное, совещательное и эпидейктическое. Первые два объединяют полемические жанры. Судебное и совещательное красноречие противопоставлены друг другу по одному признаку: судебное рассматривает то, то уже произошло и что не зависит от воли присутствующих, совещательное — то, что может произойти и что может зависеть от участников диалога. Однако в обоих случаях это предполагает полемику. Примером судебного красноречия может служить судебное состязание или научная дискуссия, скажем, дискуссия о происхождении языка. Примером совещательного красноречия могут служить парламентские дебаты или обсуждения проектов, скажем, принятие новых правил орфографии, вокруг чего пятнадцать лет назад велась и общественная и научная дискуссия. Как бы то ни было, но оба рода предполагают возможность возражения и строятся в соответствии с этой возможностью.

Эпидейктическое же красноречие стоит особняком, и на нем следует остановиться подробнее, потому что представление об этом роде недостаточно разработано в современных коммуникативных науках из-за того, что древний термин ориентирует на поиски чего-то торжественного, приподнятого, и многие современные явления, такие, например, как пропаганда или коммерческая реклама, рассматриваются вне трихотомии Аристотеля.

Для нас же, поскольку первые два рода полемичны, важно рассмотреть все то, что полемичным не является. Поэтому нас не убедят такие признаки эпидейктического рода, как отнесение к текущему моменту, и то, что в нем «равно заинтересованы и адресант, и адресат сообщения» (Шаталова 2009: 17) (мысль, не работающая на видовую специфику убеждающих речей как таковых). С осторожностью следует отнести и к часто цитируемому высказыванию Аристотеля: «Дело эпидейктических речей хвалить или порицать» (Аристотель 1978: 25).

Гений Аристотеля проявился в том, что под это высказывание подходят явления, с которыми он еще не был знаком: христианская проповедь и политическая пропаганда как социальным институт. Это случаи заведомо эпидейктического красноречия. Но есть и другие случаи. Любопытно, что в английских переводах вместо «хвалить» может стоять *commemorate*, что уже сильно расширяет границы эпидейктического, правда, на месте «порицать» обычно стоит *blame*, а иногда дается обозначение «*praise-and-blame rhetoric*». Может быть, точнее было бы сказать «не полемическим образом утверждать или отрицать», или попросту — «постулировать»? «Дело эпидейктических речей постулировать нечто».

Постулирующий, перформативный характер эпидейктического красноречия проявляется не только в проповеди, панегирике, рекламе, пропаганде, но и в дидактических жанрах, в текстах, посвященных задаче образования и воспитания.

Х. Перльман и Л. Ольбрехт-Тытека, с чьими именами связано возрождение интереса к риторике в двадцатом веке, пишут: “The speaker engaged in epideictic discourse is very close to being an educator” (Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969: 52). Авторы далее подчеркивают неполемичность эпидейктического красноречия, в котором они видят лишь “promoting values that are shared in the community”. В самом деле, дидактические жанры можно охарактеризовать как типично эпидейктические. Однако не все ведь из них связаны с оценочностью (хвалят или порицают). Убеждая ученика следовать языковому стандарту, мы не хвалим и не порицаем. «Увековечиваем» стандарт? Возможно. Скорее же всего мы его просто постулируем и пропагандируем.

Термин «эпидейктический» на русский язык переводят либо буквально, как «показательный» (такова же и латинская калька — *genus demonstrativum*), либо как «торжественный», что отражает связь этого рода с эвлогиями, восхвалениями (в английском — *epideictic*, а также *panegyric* (Lanham 1968: 106). «Показательный» больше соответствует нашему пониманию — постулирующий.

В русской науке используют также термин «учительный», особенно применительно к древнерусскому периоду: «учительное и торжественное красноречие» (История русской литературы X—XVII веков 1980: 90). Эта дихотомия, судя по квалифицированным так памятникам, отражает две разновидности эпидейктического красноречия — возвышенную проповедь, например, «слова» Кирилла Туровского, собственно торжественный род, и написанное простым языком «поучения», например, «Поучение Владимира Мономаха», учительный род. К торжественному красноречию относится и политическая проповедь, с древних времен связанная с нравственной. Самый ранний например — «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. Такие мировые памятники литературы, как средневековый «Физиолог», имевшийся и в славянском варианте, и другие бестиарии совмещают обучение с воспитанием, сведения о природе — с нравовоспитанием. В средние века это достигалось аллегорической трактовкой. «In the Christian west, it was commonly believed that the natural world, the so-called “book of nature”, had been arranged as it was by God to provide a source of instruction to humanity», — пишет современный издатель Бестиария (Badke 2011).

Трудно отрицать близость таких дидактических сочинений к гомилетике. Но аллегорическая трактовка (парабола) не единственный прием привнесения воспитательного элемента в текст, наряду с ним используется и парадигма (казус). Во всем мире практиковались издания нравовоспитательных стихов для детей, особенно распространенные в немецкоязычной культуре, см. например: (Hoffman 1956).

Широко известно и то, что при обучении языку материал подбирается так, чтобы как минимум отразить реальный узус (и это уже постулат!), как это делается в современных оксфордских учебниках и уже давно делалось в разговорниках, либо в явном виде отразить принятые в обществе нормы (как это практиковалось в советских учебниках).

Отметим, что школярский юмор от средневековых вагантов до советских КВН был построен на противоречии между узусом и нормой — реакция на постулирование, которое вызывает у студента интеллектуальную перегруженность. Здесь ле-

жит источник рождения бурсатского юмора с его смешением церковнославянского с русским или источник такой реакции на постулаты куртуазии, в частности на то, как вести себя за столом («Tischzuchten»), как, например, немецкое гробианство (Hauffen 1926).

Особое место среди эпидейктических жанров занимает пропаганда — тип речи, теоретически не связанный жестко с манипулированием, хотя самим фактом повтора она достаточно активно вмешивается в повестку дня. Согласно энциклопедии Britannica: «Deliberateness and a relatively heavy emphasis on manipulation distinguish propaganda from casual conversation or the free and easy exchange of ideas» (Britannica 2016). Для нас важно, что пропаганда не предполагает полемики, и это позволяет ее отнести к эпидейктическому роду. Дело ее не просто «хвалить и порицать» или «постулировать», но внедрять в сознание слушателя определенные паттерны активно и под любым предлогом. Эта активность приводит к тому, что пропаганда проникает в полемические жанры, искажая их природу. Советская пропаганда может служить здесь хорошим примером, так как она проникала и в научную полемику, мешая ее объективности, как это было в случае с генетикой, и в судоговорение на так называемых показательных процессах. Интересно, что само название «показательные процессы» — перевод с английского show trials — в русском вернулось к кальке с греческого «эпидейктический».

В пропаганде наиболее заметно свойство, присущие и другим жанрам этого рода. В выражении “values that are shared in the community” надо поменять модальность или смягчить его вводными словами: «ценности, которые должны разделять члены сообщества» или «ценности, которые, как считается, разделяют члены сообщества». Это относится и к дидактическим жанрам, к нашему примеру с обучением языковому стандарту. Постулативность инвариантна, а всеобщность ценности варьируется во времени и социальном пространстве. К тому же феномен пропаганды напоминает нам, что признак отсутствия сиюминутной актуальности также факультативен для непolemических жанров.

Наконец, эпидейктические жанры сближают с игровыми формами риторики, известными со времен античности. Надо, однако, учесть, что игра — это шуточное постулирование, постулирование-самоотрицание. В логике и математике эту роль играют софизмы, показанные в учебных целях. На темы игры и софизма рассуждает Йохан Хёйзинга в своей знаменитой «Homo ludens», замечая, что у софистов невозможно провести четкую грань между игрой и серьезностью (Хёйзинга 2016). Нам стоит, однако, обращать внимание на то, в какую модальную рамку вписаны постулаты эпидейктизма. Одно дело выдвигать человека на должность президента застолья, другое — компании или страны. Тема модальной рамки подводит нас к вопросу о художественном вымысле.

Отдельный и непростой вопрос — отношение к трем родам красноречия художественного слова. Здесь мы имеем возможность лишь поставить его. Сегодня многие литературоведы проводят мост от риторики к литературе через категорию «нарратив», и это делает постановку вопроса правомерной (Тюпа 2001). Связь литературы с эпидейктическим красноречием представляется убедительной,

во всяком случае генетическая связь: отмечается, что торжественные слова Горгия повлияли на развитие античной прозы (Зелинский 1995: 25—238). Очевиден и постулирующий характер художественного произведения, которое предлагает читателю принять готовый мир. Однако у художественной литературы, особенно у драмы и романа, есть свои источники полемичности, оказывающие влияние на коммуникативный климат в обществе, о чем будет сказано ниже.

Все эпидейктические жанры, включая и пропаганду, решают, хотя и в разной степени, культурно-созидательную задачу. Они культивируют язык вертикальных отношений. Проповедь учит, как думать о Боге, университетская дидактика — как рассуждать на научные темы, пропаганда — как рапортовать на собрании или выступать на митинге, корпоративные речи — как вести себя в компании. Полемические жанры, напротив, культивируют связи горизонтальные. Но чтобы понять, что означает это «культивирование» для культуры, то есть во что выливается то и другое культивирование, обратимся к истории. Мы будем демонстрировать процесс окультуривания общения главным образом на примере истории русской словесности. И начнем с полемических жанров.

2. ПОЛЕМИЧЕСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ И ЕГО ВКЛАД В КУЛЬТУРУ

История русской словесности показывает, что полемика трудно пробивала себе дорогу. Отечественная словесность не знала, например, феномена университетских диспутов, а первый парламент заработал только в 1906 г. Если эпидейктическое красноречие достигло высот уже в XI в., когда красноречие было исключительно эпидейктическим (Еремин 1987), что формировало и сам образ мысли (Pliuchanova 1986: 333—343), то первые проблески полемики в письменной культуре мы видим в XVI в. в связи со спором иосифлян с нестяжателями и перепиской Ивана Грозного с Андреем Курбским. Надо, однако, заметить — и это очень важно для оценки роли художественного слова, — что полемическое начало может проявляться и в монологических жанрах. Иными словами, и монологические жанры могут участвовать в культивировании языка горизонтальных связей.

Важной вехой развития полемического начала внутри монологического слова для русской культуры была так называемая тема двойничества, мощно заявившая себя в XII в. (Лихачев, Панченко, Понырко 1984). Персонажи повестей раздваивались, как это много позже произошло с Джекилом и Хайдом («Повесть о Горе и Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне»).

Внутренний диалог с двойником давал образцы спора. Любой спор — это поиски аргументов, это мобилизация существующих на слуху топосов и привлечение новых. Poleмика — это всегда толчок к развитию языка и в когнитивном, и в коммуникативном отношении. Например, в «Повести о Горе и Злочастии» ложный друг главного персонажа — Горе, совращая молодца с праведного пути, говорит, что бедному «шумит разбой». Это впервые высказанная вслух мысль о том, что бедному терять нечего и он может стать разбойником. Автор не считает эту мысль полезной, но, как всякий человек, которому приходится спорить или

хотя бы описывать спор, волей-неволей работает на расширение ноэтического пространства языка. При спорах и конфликтах, будь то двойническая или плутовская повесть вроде приключений Фрола Скобеева, в монологический текст попадает описание горизонтальных отношений. Благочестивые размышления о Боге и благоговейные рассуждения о царе и царстве сменяются рассуждениями людей о людях.

Общим местом истории литературы и языка стало обмирщение языка и рост диалогического начала в описываемом нами периоде, т.е. в семнадцатом веке. Оба процесса тесно связаны между собой, взаимно усиливают друг друга. Полемичность ведет к расширению языка. Спорящие вынуждены вдумываться в слова. Споры часто ведут к образованию неологизмов, окказиональных значений слов, внутренних, присущих данному спору перифраз и цитаций. Это заметно уже в переписке Грозного с Курбским, где «возвращенное» слово оппонента может изменить значение. Курбский, например, употребляет выражение «праги церковные» как метонимию в высоком контексте: Иван обагрил церковные пороги кровью. Иван же использует слово в прямом значении и говорит об украшении им церквей, не только их порогов.

Второй волной роста полемики в монологическом слове явился роман XIX в. И здесь можно только сослаться на мысли Бахтина о полифонии у Достоевского (Бахтин 1972: 3—8), хотя, если посмотреть на ситуацию под риторическим углом, Достоевский продолжает линию использования диалогизации (риторическая серmocинация) и цитации «чужого слова», что делал уже Иван Грозный, не в таком, разумеется, масштабе.

Особое место занимает драма. Будучи монологом автора, сама она состоит из диалогов. Драмы Шекспира представляют собой целую школу риторики (Platt 1999). В России позднее развитие драмы и ее «прозаичность» свидетельствуют и о позднем развитии полемиического начала, которому не способствовал существовавший социальный уклад.

В контексте наших рассуждений интересна и другая мысль Михаила Бахтина: его теория первичных и вторичных жанров (Бахтин 1996), открывающая интересный аспект функционирования художественного текста в культуре. Первичные жанры рождаются в речи, а в литературе они получают художественное осмысление, например, объяснение в любви и письмо Татьяны к Онегину. Но цепочка на этом не заканчивается. Из литературы жанры опять возвращаются в речь. Письмо Татьяны — образец того, как можно объясняться в любви. И трудно считать число тех русских девушек, которые не учились на этом письме. Но таковы же и другие образцы развития горизонтальных отношений, данные романистами девятнадцатого столетия.

Однако в XIX в. развивается не только монолог. Одна за другой появляются в России площадки для развития полемиического слова. Это журнальная критика, которая уходит далеко вперед по сравнению с XVIII веком хотя бы из-за одного того, какой материал находится в ее поле зрения. Вторая площадка — суды приcяжных, появившиеся после реформы 1864 г. Тогда же начинает развиваться и академическое красноречие. Все это дало мощнейший импульс развитию рус-

ского языка и русской культуры. Возникло общество, оформилась в самостоятельную силу русская интеллигенция. Сам русский язык достигает едва ли не вершины своего развития, которое бы не могли дать ему одни проповеди и оды.

В XX веке уже возникает парламентское красноречие — новая площадка. Русскому судебному красноречию пришлось бы трудно, если бы к тому времени не существовал богатый опыт русской литературы и литературной критики, о чем мне случалось писать (Хазагеров 2012: 67). Использование этого опыта в речах известных судебных ораторов встречается постоянно. Точно так же без опыта судебного красноречия невозможно было бы русское парламентское красноречие. И здесь влияние заметно невооруженным глазом. Так возникает цепная реакция развития полемизма.

Сегодня мы знаем о попытках «расширения» языка комбинаторным способом от проекта Александра Солженицына до проекта Михаила Эпштейна. В литературе схожим образом действовал аббат Фариа в замке Иф, получая новогреческий язык из древнегреческих корней. Но чтобы «расширение» произошло, нужна потребность в этом расширении. Такую потребность всегда дает ситуация полемики. Чтобы спорить с кем-то, надо вслушиваться в его слова, надо представлять себе его картину мира, что сегодня называют реципиент-дизайном.

Полемика предполагает тонкие дистинкции, к которым вынуждены прибегать спорящие. Более того, полемика стимулирует и метаязыковое мышление. Уже само употребление фигур, особенно таких, как парадокс, антитеза, диалексис, полиптих, частотных в полемических жанрах, актуализирует связи между звуковой оболочкой слова и лексическим значением.

Культивирование языка часто идет путем разведения значений синонимов, как это делали французские синонимисты при составлении академического словаря. Но если разведение синонимов как результат государственной политики происходит методом мобилизации ученых, практиковавшимися при Людовике XIV и при советской власти, то в ходе подлинной полемики не в Академии, а в Конвенте разведение синонимов становится повседневным делом и притом делом естественным.

3. ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ И ЕГО ВКЛАД В КУЛЬТУРУ

Эпидейктическое красноречие культивирует социальность опосредовано через утверждение единых для сообщества образцов мышления и говорения. Этот процесс затрагивает лишь одну сторону социальности, так как не касается того, как окультуривать горизонтальные отношения между людьми и разрешать конфликты. Но эта сторона социальности совершенно необходима. Она формирует постулаты. Это, так сказать, аксиоматическая часть культуры, ее алфавит, но не текст.

Проповедь, выраженная в многократно переписываемых торжественных «словах» первых веков русской литературы, заложила крепкий фундамент культуры. В восемнадцатом веке потребность в строительстве светского государства снова вызвала к жизни неполемические жанры и на этот раз и подкрепляющую их теоретическую мысль.

Характерной и неслучайной чертой русского классицизма был расцвет панегирических жанров, как неслучайной чертой было прославление царей. Все это было проявлением культивирования вертикальных отношений в обществе.

Показательна в этом смысле риторика этой эпохи, так называемая декорум-риторика (Лахманн 2001). Широко известная теория «трех стилей» (Ломоносов 1984) Ломоносова, как и менее известный подход его к общим местам как порождающему алгоритму, «плодящему» мысли (Ломоносов 1952: 158—160), ясно показывают направленность усилий выдающегося филолога именно на культивирование вертикальных, а не горизонтальных связей.

Античная теория трех стилей основывалась на задачах воздействия на аудиторию. Ср. античное учение о стилях в «Риторике к Гереннию» и более поздних: (Стрельникова 1976), а не на достижении «пристойности», соблюдении регламента. Неслучайно третий стиль у Ломоносова был не «простым», а «низким». Простым стилем, согласно античной мысли, можно доказывать и учить, низким же стилем можно только смешить в «подлых» комедиях. Он существует как оппозиция высокому — играет роль шута при монархе, подчеркивает «вертикализм».

Теория общих мест у Ломоносова построена таким образом, что с ее помощью можно порождать декоративные тексты, но никак не подготовиться к полемике. Одно общее место у Ломоносова может раскрываться через другие и т.д. Эту теорию и сегодня можно успешно использовать при составлении юбилейных речей. Весьма характерно в связи с этим упоминание об «изобилии». Юбилейные, праздничные, красочные речи должны быть именно избыточны, богато украшены. Такими же точно чертами обладал и так называемый сталинский классицизм, где идея изобилия проявлялась и в вещном мире различных с большим размахом организованных выставок.

4. ИЗДЕРЖКИ ЭПИДЕЙТИЧЕСКОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ

Третьим и тоже востребованным периодом культивирования вертикальных связей для русской культуры был период советский, когда пропаганда возводила в роль аксиом новую идеологию. В этот же период мы наблюдаем закат полемических жанров и проникновение пропаганды вовнутрь полемики, когда сами диалоги оказываются срежиссированными, превращаются в ритуал, что можно было наблюдать на советских собраниях. Диалоги же в художественной литературе стремительно теряли роль образцов, на которые можно было бы ориентироваться в реальной жизни. Реальные диалоги допускались только в юморе с неизбежным «низким» стилем. Дефицит диалога вызывал огромный интерес к кинокомедии, хорошо видный в словаре киноцитат (Кожевников 2001), где именно сниженные, но реалистичные реплики зафиксированы как идиомы. Таким же поставщиком крылатых слов послужил «Диалог у телевизора» Владимира Высоцкого.

Что касается теории, то риторика вскоре после кратковременного всплеска интереса к «живому слову», что отражено в названии «Института живого слова», просуществовавшего до 1924 г., и отдельных работ (Миртов 2013), заменило лекторское мастерство, или мастерство лектора-пропагандиста, см. например (Ножин 1913). Неслучайно много позже риторическое возрождение пошло у нас по линии описания тропов и фигур, а не разработки аргументативной риторики.

Можно было бы проанализировать сам характер фигур, попавших в поле зрения на заре риторического возрождения. Мне представляется, что они были больше связаны с торжественным выступлением на собрании, чем со спором. Таков, например, список фигур, предложенных так называемой практической стилистикой. Различна, скажем, судьба анафоры, о которой знали всегда, и диафоры, которая была настолько забытой, что советские ученые придумывали для нее новые названия. До настоящего времени теория риторической инвенции явно не самое сильное место в учебниках риторики. Причем это в большей степени, чем к силлогистике, относится именно к учению об общих местах — содержательной стороне подготовляемой речи.

В стилистической науке первое место принадлежало функциональной стилистике, цель которой — стилистическая регламентация языкового общения. Культура речи как нормативная дисциплина мыслилась и для многих авторов мыслится, по-видимому, и сейчас как единственная дисциплина, культивирующая речь. Никак не хочется принижать роли того революционного прорыва в понимании нормы, который обеспечили идеи Пражского лингвистического кружка, породившие представление об отшлифованной форме национального языка — литературном языке (Матезиус 2003). Но пражане искали теоретической основы для «гибкой стабильности языка» в условиях распада Австро-Венгрии и в дальнейшем их взгляды столкнулись с новыми вызовами (Schmiedtová 2013). Советская же речевая культура решала задачу ликвидации безграмотности и насаждения политграмоты. «Гибкая стабильность» ей была нужна скорее на словах, как и сама идеология на словах признавала примат развития. В действительности речь шла о закладке паттернов, что хорошо видно на примере дидактического материала словарей и языковых учебников. «Развитие» же было связано главным образом со сменой политических кампаний.

Переизбыток «вертикализма» в советской культуре приводил к тому, что горизонтальные связи не получали должного окультуривания. Официальная культура не давала достаточного количества релевантных образцов. Невозможно было говорить в быту языком комсомольских собраний. В таких условиях закономерно расцветал сленг с двумя чертами, которые выявились позже, когда масштаб этого явления стал понятен в результате снятия цензурных запретов. Речь идет об амбивалентности и глумлении, позже названной лингвистическим цинизмом (Сквородников 2014).

Амбивалентность — прямое следствие отсутствия полемичности. Высмеивание пропагандистских штампов в последние годы советской власти сочеталась с некритическим отношением к содержанию этих штампов. Цитаты «классиков», над которыми принято было смеяться, не признавались истинной, но не признавались и ложью. Просто их было слишком много, и это становилось смешным. Рождение поверхностного «стёба», тормозящего сознательное отношение к слову и порождающего лингвистический цинизм — самое тяжелое последствие того, что горизонтальные отношения оказались не окультуренными. Причем это случилось в обществе, где культивирование вертикальных связей было беспрецедентно высоко

ким для истории русского языка. Даже малограмотный человек мог при желании заговорить языком передовицы. Но и образованный человек вынужден был пользоваться такими словами, как «шарашка» или «шабашка», потому что в литературном языке зияли лакуны. Сам характер горизонтальных связей маргинализировался, как это происходило на «рынке товаров и услуг» в обход плановой экономики (Кордонский 2014). Маргинализировался и обслуживающий эти связи «блатной» язык.

Менее значимо, но также заметно влияние переизбытка эпидейктического начала на сами эпидейктические жанры. Здесь отмечается парадокс: исчезновение высокого стиля. Отчасти это объясняется обычным переходом экспрессии в стандарт (Костомаров 1971) в результате интенсивности работы пропагандистской машины. Рекламщики знают об этой проблеме в связи с интенсификаторами («эксклюзивный», «самый лучший» и т.п. (Кронгауз 2008: 27—32), обесмысливающими позиционирование товара. Но в рекламе, рассчитанной на потребителя и связанной с вещным миром, есть широкая возможность использования различных средств деинтенсификации через сравнение с приятными потребителю объектами («с запахом морской волны», «с ароматом свежей травы» и т.п.). Пропаганда же с ее шаблонами большим маневром на этот счет не обладает. В результате высокий стиль стал скучным. Отчасти отсутствие высокого стиля объясняется соображениями «стёба», с которым оказалось трудно конкурировать.

Но наиболее остро дефицит образцов цивилизованной полемики сказался на самой полемике. В классической риторике существовало представление о стасисах (Гаспаров 2000) — линиях обороны в споре. Существуют четыре таких стасиса. Но если мы обратимся к постам в Интернете, мы увидим достаточно однотипную картину: не желая вдумываться в аргументацию оппонента, автор поста сразу же переходит к последнему стасису — стасису отвода: нет нужды спорить с оппонентом, потому что он несостоятелен. Разумеется, статус отвода имеет право на существование, и вопрос о том, когда мы вправе не принимать во внимание высказывание человека — отдельная тема, которой посвящена целая книга современного автора (Walton 1998). Но регулярное использование уничижительной характеристики вместо аргументации — иное дело. Понятно, что таким способом вести диалог невозможно. Получается, что интенция реплики — не уговорить оппонента и не найти с ним общую почву, а просто оборвать общение, «заткнуть рот». Сетевое общение, если это не общение между единомышленниками, становится затруднительным.

В ситуации, когда люди не хотят и не умеют полемизировать, падает не только авторитет риторики, но и авторитет культуры. Нет смысла учиться, безграмотности перестают стесняться (Хазазеров 2016), разрастается функциональная неграмотность (Жукова 2006). Конечно, эти тенденции не тотальны. Но тренды очевидны, и они должны привлекать к себе общественное внимание и прежде всего внимание филологического сообщества.

Все сказанное выше говорит о том, что коммуникативное пространство устроено сложно, и наши активные действия в нем вызывают различные следствия,

в том числе и те о которых заранее никто не предполагал. «Мораль» же данной статьи — стремление к гармонии полемических и неполемических жанров в обществе. Миссия ученого сообщества — мониторинг коммуникативной ситуации. Целью статьи было показать, как полемические и эпидейктические жанры культивируют общее коммуникативное пространство.

© Г.Г. Хазагеров, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Аристотель *Риторика* // Античные риторика: изд-во Московского университета. 1978. С. 15—166. [Aristotel' (1978) *Ritorika*. (Rhetoric). Antichnii Ritoriki: izd-vo Moskovskogo universiteta, 15—166. (In Russ).]
- Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Художественная литература, 1972. 469 с. [Bakhtin, M.M. (1972) *Problemy poetiki Dostoevskogo*. (Problems of Dostoevskii's Poetics). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ).]
- Бахтин М.М. *Проблема речевых жанров* // Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские словари. 1996. Т. 5. С. 159—206. [Bakhtin, M.M. (1996) *Problema rechevykh zhanrov*. (Problems of Speech Acts) / Bakhtin M.M. Sobr. soch. Moscow: Russkie slovani, 159—206. (In Russ).]
- Гаспаров М.Л. *Античная риторика как система* // Михаил Гаспаров Об античной поэзии. СПб.: Азбука. 2000. С. 424—472. [Gasparov, M.L. (2000) *Antichnaya ritorika kak sistema*. (*Antique Rhetoric as a System*) / Mikhail Gasparov Ob antichnoi poezii. SPb.: Azbuka. 2000, 424—472. (In Russ).]
- Еремин И.П. *Лекции и статьи по истории древней русской литературы*. Издательство Ленинградского университета. 1987. 323 с. [Eremin, I. P. (1987) *Lektsii i stat'i po istorii drevnei russkoi literatury*. (Conspectus and Articles on Russian Ancient Literature). Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ).]
- Жукова Т. *Функциональная неграмотность — чума XXI века* // Независимая газета. 10.03.2006. [Zhukova, T. (10.03.2006) *Funktsional'naya negramotnost' — chuma XXI veka*. *Nezavisimaya gazeta*. (In Russ).]
- Зелинский Ф.Ф. *Художественная проза и ее судьба* // Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей в 4 т. 1995. Т. 2. М., С. 225—238. [Zelinskii, F.F. (1995) *Khudozhestvennaya proza i ee sud'ba*. Literature. (Proze and its Destiny) / Zelinskii F.F. *Iz zhizni idei v 4 t.* Т. 2. М., 225—238. *Istoriya russkoi literatury X—XVII*. In D.S. Likhachev (ed.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ).]
- История русской литературы X—XVII веков* / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение. 1980. 459 с. [Likhachev, D.S. (1980) *Istoriya russkoi literatury X—XVII vekov*. (History of Russian Literature). Moscow: Prosveshchenie. 1980. (In Russ).]
- Кожевников А.Ю. *Большой словарь. Крылатые фразы отечественного кино*. М: ОЛМО_ПРЕСС, 2001. [Kozhevnikov, A.Yu. (2001) *Bol'shoi slovar'. Krylatye frazy otechestvennogo kino*. (Big Dictionary. Catch Phrases of Russian Cinema). Moscow: OLMO_PRESS. (In Russ).]
- Кордонский С. *Рынки власти. Административные рынки в СССР и России*. [Электронный ресурс] М.: ОГИ, 2006 // <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/80871710>. [Kordon-skii, S. (2006) *Rynki vlasti. Administrativnye rynki v SSSR i Rossii*. (Markets of Power. Administrative Markets in USSR and in Russia). Retrieved from: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/80871710>].

- Костомаров В.Г. *Русский язык на газетной полосе*. М.: изд-во МГУ, 1971. С. 245 [Kostomarov, V.G. (1971) *Russkii yazyk na gazetnoi polose*. (Russian Language in Newspaper). Moscow: izd-vo MGU, 245. (In Russ).]
- Кронгауз М. *Русский язык на грани нервного срыва*. М.: Языки славянских культур. 2008. 232 с. [Krongauz, M. (2008). *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva*. (Russian Language Close to the Stress Edge). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ).]
- Лахманн Р. *Демонтаж красноречия*. СПб.: Академический проект. 2001. С. 361 [Lakhmann, R. (2001) *Demontazh krasnorechiya*. (Dismantling of Eloquence). SPb.: Akademicheskii proekt. (In Russ).]
- Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. *Смех Древней Руси*. Л.: Наука 1984. С. 285 [Likhachev D.S, Panchenko A.M., Ponyrko N.V. (1984) *Smekh Drevnei Rusi*. (Laugh of Ancient Rus). L.: Nauka. In Russ).]
- Ломоносов М.В. *О пользе книг церковных* // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1952. С. 589—590. [Lomonosov, M.V. (1952) *O pol'ze knig tserkovnykh*. (In praise of Church Books) / Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch. T. 7. Moscow: L.: izd-vo AN SSSR. In Russ).]
- Ломоносов М.В. *Краткое руководство к красноречию* // Ломоносов М.В. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. М.: Наука. 1986. С. 158—160 [Lomonosov, M.V. (1986) *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu* (Short Guidelines to Eloquence) / Lomonosov M. V. Izbrannye proizvedeniya v 2 t. T. 2. Moscow: Nauka, 158—160. In Russ).]
- Матезиус В. *О необходимости стабильности литературного языка* // Матезиус Избранные труды по языкознанию. М.: УРСС, 2003. С. 194—209 [Matezius, V. (2003) *O neobkhodimoi stabil'nosti literaturnogo yazyka*. (On the Necessity of Literature Language). Matezius Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. Moscow: URSS. 194—209. In Russ).]
- Миртов А.В. *Живое слово* [Электронный ресурс] // <http://www.studfiles.ru/preview/395692>. [Mirtov, A.V. *Zhivoe slovo*. (Living Word). Retrieved from: <http://www.studfiles.ru/preview/395692>].
- Ножин Е.А. *Основы советского ораторского искусства*. М.: Знание. 1973. С. 350 [Nozhin, E.A. (1973) *Osnovy sovetskogo oratorskogo iskusstva*. (Fundamental Principles of Soviet Rhetoric). Moscow: Znanie. In Russ).]
- Сковородников А.П. *К определению термина «лингвоцинизмы»* // Мир русского слова, № 3, 2014. С. 49—54. *Социальная сеть* [Электронный ресурс] // [https://ru.wikipedia.org/wiki/социальная_сеть_\(социология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/социальная_сеть_(социология)) 2016 [Skovorodnikov, A.P. (2014) *K opredeleniyu termina «lingvotsinizmy»*. *Mir russkogo slova* (World of Russian World), 3, 40—54. Retrieved from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>].
- Стрельникова И.П. *«Риторика для Геренния»* // Кузнецова Т.И., Стерльникова И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М.: Наука, 1976. С. 62—91.
- Тюпа В.И. *От поэтики к риторике. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса* [Электронный ресурс] // http://gumfak.ru/otech_html/chekhov/chekhov-kritics/tupe/tupe2.shtml [Туупа, V.I. *Ot poetiki k ritorike. Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa*. (From Poetics to Rhetoric. Narratology as Analytics of Narrative Discourse). Retrieved from: http://gumfak.ru/otech_html/chekhov/chekhov-kritics/tupe/tupe2.shtml].
- Хазазеров Г.Г. *Норма как ценность в речи журналиста* // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ. М., 2016. С. 209—217 [Khazagerov, G.G. (2016) *Norma kak tsennost' v rechi zhurnalista*. *Uchimsya govorit' po-russki. Problemy sovre-*

menogo yazyka v elektronnykh SMI. (Norm as a value of journalist's speech. Learning to speak Russian. Problems of Modern Language in Internet Media). Moscow, 209—217. In Russ.)]

Хазагеров Г.Г. *Риторика тоталитаризма*. Ростов-на-Дону, 2012. С. 276. [Khazagerov, G.G. (2012) *Ritorika totalitarizma*. (Rhetoric of Totalitarianism). Rostov-na-Donu, 276. In Russ.)]

Хейзинга Й. *Хомо луденс Глава IX* [Электронный ресурс] <http://profilib.com/chtenie/98983/yokhan-kheyzinga-homo-ludens-59.php> [Kheizinga, I. *Homo ludens Glava I*. Retrieved from: <http://profilib.com/chtenie/98983/yokhan-kheyzinga-homo-ludens-59.php>].

Шаталова С.В. *Эпидейктические жанры речи*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2009. 379 с. [Shatalova, S. V. (2009) *Epideikticheskie zhanry rechi (Epideiktic Speeche Genres)*. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Yaroslavl'. In Russ.)]

Badke, D. (2011) Introduction. *The Medieval Bestiary*. Retrieved from: <http://bestiary.ca/intro.htm>.

Hauffen, A. (1926) *Grobianische Dichtung. Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte*, Berlin: hrsg. von P. Merker und W. Stammler, I B.

Hoffman, H. (1956) *Der Struwelpeter. Lustige Geschichten und drollige Bilder*. Berlin. Kinderbuchverlag.

Klein, J. *Praising the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism*. Retrieved from: <http://www.slovene.ru/ojs/index.php/slovene/article/view/109>.

Lanham, R. (1968) *A Handlist of Rhetorical Terms*. University of California press. Berkley and Los Angelos.

Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. (1969) *The new rhetoric: a treatise on argumentation*, University of Notre Dame Press.

Platt, P. (1999) *Shakespeare and Rhetorical Culture*. Retrieved from: <http://www2.idehist.uu.se/distans/ilmh/Ren/platt.htm>

Pliuchanova, M. *Rhetoric and Russian Historical Thought of the 16th and 17th Century* // *Europa Orientals* 5 (1986). Retrieved from: <http://www.europaorientalis.it/uploads/files/1986/1986.17.pdf> P. 333—343.

Propaganda (2016) // *Encyclopedia Britannica*. Retrieved from: <https://global.britannica.com/topic/propaganda>

Schmiedtová, V. (2013) *Theory of language culture and the current language situation in the Czech Republic* // Retrieved from: <http://www.nigma.ru/?s=culture+of+language+Praha&t=web&rg=/>.

Walton, D. (1998) *Ad Hominem Arguments*. University of Alabama Press.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 декабря 2016

Дата принятия к печати: 30 января 2017

Для цитирования:

Хазагеров Г.Г. Коммуникативная культура в свете противопоставления полемиического и проповеднического начал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 348—361.

Сведения об авторе:

Георгий Георгиевич Хазагеров, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Южного федерального университета. Автор книг и статей по риторике и русской филологии, вузовских учебников по риторике. *Сфера научных интересов*: риторика, стилистика, рецепция античных теорий стиля и учения о тропах и фигурах в теории и практике отечественного красноречия. *Контактная информация*: e-mail: khazagerov @gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-348-361

CULTIVATION OF COMMUNICATIVE SPACE: POLEMICAL ELOQUENCE VS. EPIDEICTIC ELOQUENCE

Georgii G. Khazagerov

Southern Federal University

105 Sadovaja str., 344005 Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article focuses on the problem of the influence of rhetorical genres of cultivating communication. This influence varies polemical and epideictic genres. The first affect the cultivation of horizontal social relations. Second on the — on the development of vertical ones. Epideictic kind of eloquence interpreted expanded. This takes into account those new genres, which could not have known Aristotle defined the function epideictic speeches as “praise or blame”. It is about propaganda, advertising, homiletics and didactics. At the same time the controversy is associated not only with the dialogic, but also with the monological texts. This raises the question about the role of literature in the cultivation of controversy. The material is mainly the history of Russian literature and language. The conclusion is that the excessive development of some sorts of eloquence at the expense of others can be counter-productive for the culture.

Keywords: *rhetoric: vertical and horizontal communication, epideictic eloquence, polemical genre*

Article history:

Received: 27 December 2016

Revised: 20 January 2016

Accepted: 30 January

For citation:

Khazagerov, G.G. (2017). Cultivation of Communicative Space: Polemical Eloquence vs. Epideictic Eloquence. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 348—361.

Bio Note:

Khazagerov, G.G., Dr. of Philology, Professor, head of Russian language Department of Southern Federal University. *Research interests:* Rhetoric, Stylistics, Cultural, Socio-Psychological, Linguistic problems of the Russian language. *Contact information:* e-mail: khazagerov@gmail.com